

КЛАВДИЙ И НАЧАЛО БОСПОРО-РИМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуются обстоятельства начала боспорско-римского конфликта в 40-х гг. I в. н.э. Наиболее подробно автор останавливается на интерпретации сведений Тацита, в том числе, дает анализ употребления римским историком понятия *iniuria* в тех случаях, когда речь идет о взаимоотношениях зависимых правителей с Римом. По мнению автора, вина царя Митридата Боспорского могла заключаться во вмешательстве в римскую область компетенции, а именно в нарушении установлений Рима относительно распределения властных полномочий на Боспоре. Как полагает исследователь, Митридат ущемил права своей матери Гипеширии, ранее признанные Римом, что и стало формальным поводом для того, чтобы его брат Котис обратился за помощью к Клавдию. Обращение Котиса повлекло вмешательство Рима в дела Боспора, и на боспорском престоле Митридат был заменен более лояльным по отношению к Риму Котисом.

Ключевые слова: Рим, Боспор, Клавдий, Митридат.

А.Р. ПАНОВ

*Арзамасский государственный
педагогический институт
им. А.П. Гайдара*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

Боспоро-римская война в 40-х гг. I в. н.э. представляла собой достаточно масштабный конфликт Рима с Боспорским царством, и потому интерес к ней со стороны представителей как античной, так и современной¹ историографии не случаен. Общий ход военных действий на Боспоре излагается Тацитом (Ann. XII. 15-21), но относительно предыстории и начальной фазы конфликта информация наших источников весьма отрывочная. Сохранилось лишь сообщение Диона Кассия (Dio Cass. LX. 28. 7), согласно которому царь Митридат, «замыслил изменить политику и стал готовиться к войне с римлянами», но после бегства матери, которая не одобряла его планы, «решив скрыть свои замыслы, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Тот же выполнил посольские обязанности недобросовестно, все рассказав (императору), и так сделался царем вместо Митридата (ὅτι ἐνεωτέρισε, καὶ παρεσκευάζετο εἰς τὸν κατὰ τῶν Ῥωμαίων πόλεμον... βουλόμενος ἐπικαλύψαι τὸ σπουδαζόμενον, αὐτὸς μὲν παρεσκευάζετο, λέμλει δὲ Κότιν τὸν ἀδελφὸν εἰς πρεσβείαν, φίλους λόγους τῷ Κλαυδίῳ κομίζοντα. ὁ δὲ παραπρεσβεύσας πάντα αὐτῷ κατεμήνυσε, καὶ βασιλεὺς Ἰβηρίας ἀντὶ Μιθριδάτου γίνεται)». Данный пассаж сохранился только в изложении Петра Патриция, причем Митридат ошибочно назван иберским, а не боспорским царем, но в остальном названные исторические детали кажутся вполне правдоподобными. В таком случае Дион Кассий виновником войны, безусловно, считал боспорского правителя, чьи антиримские планы не были поддержаны его же ближайшим семейным окружением, так что передача трона от вероломного Митридата преданному интересам Рима Котису с последующей военной поддержкой последнего выглядит вполне логичной.

К сожалению, более надежный письменный источник по рассматриваемым событиям отсутствует: одиннадцатая книга «Анналов» Тацита, где говорилось о начале войны, утрачена, хотя в последующем повествовании есть несколько намеков, проливающих свет на предшествующие события. С одной стороны, Тацит, говоря об отношении Митридата к Котису, использует для последнего определение «предатель (proditor)» (Tac. Ann. XII. 18), что является косвенным подтверждением версии Диона Кассия о том, что Котис предал

¹ Например, см. специальные исследования: Зубарь В.М., Шмалько А.В. Римско-боспорская война и Херсонес // Древности степного Причерноморья и Крыма. IV. Запорожье, 1993. С. 225-230; Пуздровский А.Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 212-217; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 161-170; Он же. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 197-206.

своего брата, представив его в неблагоприятном свете перед Клавдием. С другой стороны, римский историк, рассказывая о раздумьях Клавдия относительно возможности прекращения войны на условиях царя аорсов Эвнона, выступившего в роли покровителя побежденного Митридата и просившего сохранить тому жизнь и избавить от участия в триумфальной процессии, упоминает о том, что к продолжению борьбы императора «толкала горечь нанесенных обид и жажда мести (*hinc dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat*)» (Tac. Ann. XII. 20).

Здесь показательно, прежде всего, использование термина *iniuria*, который мог иметь достаточно четко очерченное правовое содержание, правда, с преимущественным использованием в сфере частного права, а в общем смысле *iniuria* означала любое нарушение права². Применительно к внешнеполитической сфере это понятие имело широкий спектр значений каких-либо несправедливых, насильственных действий, каковые обычно исходили от римских противников. Как показывает практика употребления данного понятия античными авторами, *iniuria* воспринималась как законный повод к войне, причем большую роль играл не прямой материальный ущерб от противоправных действий, а их несправедливость, неправомочность, так что *iniuria* требовала обязательной мести³. Поведение же римлян, как правило, лишённое какой-либо несправедливости, напротив, изображалось как резко контрастирующее с тем, что позволяют себе противники Рима. К примеру, Август в своей автобиографической надписи заявляет, что умиротворил Альпы, «ни с одним народом не ведя войну несправедливо (*nulli genti bello per iniuriam inlato*)» (RgdA. 26. 3).

В данном случае, контекст приведенной формулировки и анализ имеющейся в нашем распоряжении информации о взаимоотношениях Клавдия с Митридатом не позволяют с полной уверенностью определить, что скрывалось за этой обидой, потребовавшей мести. Насколько известно, предшественник Клавдия Калигула имел свои планы в отношении Боспора и, вероятно, намеревался передать его Полемону II в обход наследников боспорского царя Аспурга, что, впрочем, не помешало Митридату занять отцовский трон⁴. Приход к власти Клавдия способствовал улучшению боспоро-римских отношений, поскольку, как сообщает Дион Кассий, одним из первых деяний этого принцепса было то, что он «Митридату, ведшему свой род от знаменитого Митридата Евпатора, подарил Боспор, а Полемону дал взамен одну область Киликии» (Dio Cass. LX. 8. 1–2).

Нумизматические и эпиграфические данные подтверждают, что Митридат закрепился на Боспоре, и в его чеканке, к тому же, прослеживаются черты большей самостоятельности от Рима, чем в монетном деле Аспурга, что можно рассматривать как указание на то, что Митридат взял курс на избавление от римской зависимости или ослабление ее⁵. Вместе с тем, сложно согласиться с утверждением В.А. Горончаровского, что независимый курс Митридата сопровождался антиримскими акциями, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с династией императоров⁶, поскольку нет каких-либо указаний на подобные действия, которые, конечно, могли бы рассматриваться как *iniuria*. Наоборот, отправка Котиса в Рим с заверениями в дружбе к императору должна была продемонстрировать лояльность боспорского царя, что было бы бессмысленно в случае открытого проявления перед всеми его антиримской позиции.

В качестве аналогии имеется возможность рассмотреть другие примеры использования Тацитом понятия *iniuria*, там, где речь идет о взаимоотношениях императоров с союзными правителями, одним из которых Митридат и являлся до начала военного конфликта. В «Анналах» таких примеров два, и обе ситуации имеют определенные точки соприкосновения с «делом» Митридата Боспорского.

² Steinwenter. *Iniuria* // Pauly-Wissowa-Kroll. Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 18. Stuttgart, 1916. Sp. 1555-1556.

³ Mattern S.P. *Rome and the enemy: Imperial strategy in the principate*. Berkeley, 1999. P. 185-186.

⁴ Подробнее см.: Barrett A.A. *Gaius' policy in the Bosphorus* // Transactions of the American Philological Association. 1977. Vol. 107. P. 1-9; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 239-240; Dmitriev S. *Claudius' Grant of Cilicia to Polemo* // Classical Quarterly. 2003. Vol. 53. № 1. P. 286-291; Панов А.Р. Политика Калигулы на Боспоре // Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 157-165.

⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 327; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 128; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 245.

⁶ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. С. 165.

Сначала Тацит использует слово *iniuria*, повествуя о распри между фракийскими царями Котисом и Рескупоридом, первый из которых приходился племянником второму. Будучи недоволен римским решением о разделе Фракии после смерти Реметалка, Рескупорид начал строить козни против Котиса, не остановившись перед применением вооруженной силы, и даже прямое вмешательство Тиберия не обуздало его: во время пира после заключения мирного соглашения Рескупорид заковал своего племянника. После этого, по словам Тацита, «Рескупорид написал Тиберию, что против него строились козни и он предупредил коварного злоумышленника... На это Цезарь... ответил ему, что, если он не обманывает, то может положиться на свою невиновность; впрочем, ни он сам, ни сенат, не рассмотрев дела, не могут решить, на чьей стороне право (*ius*), и кто допустил насилие (*iniuria*); поэтому пусть, передав римлянам Котиса, он выезжает в Рим, чтобы отстранить от себя возможное обвинение» (Ann. II. 65). Завершилось все это тем, что Рескупорид умертвил Котиса, за что был приговорен римлянами к изгнанию из царства (Tac. Ann. II. 66-67).

Таким образом, в данном пассаже *iniuria* представлена как четкое противопоставление *ius*, причем законность или противозаконность тех или иных действий связывалась в первую очередь с признанием решений Рима об определении границ сфер влияния между соседними правителями. Тацит прямо указывает, что Тиберий ни о чем так не тревожился, «как о том, чтобы не нарушалось установленное» (Ann. II. 65): именно это и обусловило его резкую реакцию на возникший конфликт, погасить который он постарался.

В другом случае речь идет об армянском царе Митридате Иберском, которого, кстати, Клавдий в начале своего правления освободил из заточения, куда тот попал при Калигуле, причем Дион Кассий рассказывает о благодеяниях Клавдия в отношении обоих Митридатов (как Боспорского, так и Иберского) в одном месте (Dio Cass. LX. 8. 1-2). В начале 50-х гг. интриги против Митридата Иберского стал плести его брат Фарасман, занимавший иберский трон и ранее помогавший Митридату закрепиться в Великой Армении. Фарасман использовал своего сына Радамиста, направив его властные амбиции в сторону Армянского царства: Радамисту удалось втереться в доверие к дяде, после чего иберы организовали вторжение в пределы Армянского царства (Tac. Ann. XII. 44-45). Говоря о начале иберо-армянской войны, Тацит так описывает поведение правителя Иберии: «тогда Фарасман измышляет повод к войне: сражаясь в свое время с царем альбанов, он хотел обратиться за помощью к римлянам, чему, однако, воспротивился его брат, и в отмщение за эту обиду он выступает в поход, чтобы его низложить (*interim Pharasmanes belli causas confingit: proelianti sibi adversus regem Albanorum et Romanos auxilio vocanti fratrem adversatum, eamque iniuriam excidio ipsius ultum iturum*)». Римляне и здесь вмешались в междоусобицу, добившись формального примирения между Радамистом и Митридатом, однако, как и в случае с Котисом и Рескупоридом, заключенное соглашение сразу же было попорчено самым кровавым образом – правда, в отличие от исхода междоусобицы во Фракии, в Армении жертвой оказался дядя (т.е. Митридат), закованный и затем умерщвленный по приказу своего племянника (Tac. Ann. XII. 47). В конечном итоге Радамист сумел получить римское признание, но закрепиться в Армении прочно он так и не смог.

Показательно, что в разбираемом фрагменте Тацит говорит не только об *iniuria*, но и о чувстве мести (*ultum – ulciscor*), охватившем Фарасмана, причем и здесь нанесенная обида была напрямую связана со взаимоотношениями, связывавшими римлян с одним из правителей союзных государств. Правда, сложно понять обоснованность обвинений Фарасмана, поскольку его властный статус и возможность обращаться к римлянам ни в малейшей степени не зависели от действий его брата (скорее наоборот – Митридат Иберский сам временами зависел от помощи Фарасмана, особенно в ходе своего завоевания Армении и последующего возвращения на армянский престол), но, очевидно, использованная аргументация имела некую рациональную основу. Видимо, Фарасману необходимо было набросить тень сомнения на лояльность Митридата по отношению к римлянам, и для этого годились даже обвинения в попытке сорвать конкретную акцию римско-иберского сотрудничества в военной сфере, организация которой, безусловно, должна была символизировать прочность дружбы и союза Рима и Иберии.

Можно предположить, что горечь обиды и жажда мести, отмечаемые Тацитом при изложении истории боспоро-римской войны, могли не ограничиваться ощущениями

только императора Клавдия, обдумывавшего различные варианты прекращения военных действий, но охватывать также чувства Котиса, чьими усилиями, по сути, и было организовано вступление римлян в конфликт на Боспоре. Все три приведенных пассажа у Тацита объединяют определенные сходные обстоятельства: наличие семейных междоусобиц на территории союзных Риму государств, стремление одной из сторон представить своих противников как нарушителей римских установлений и соответствующее вмешательство Рима с целью прекратить конфликт и разобраться в ситуации. В условиях, когда само существование формально союзных, а фактически зависимых от Рима царств зависело от воли римлян, такие вопросы как изменение территориальных пределов или выбор престолонаследника в этих государствах требовали римской санкции. Сделанные римлянами предписания должны были восприниматься местными правящими элитами как подобие законных мер (*ius*), в то время как нарушение установленных Римом порядков трактовалось как противозаконное действие (*iniuria*), требовавшее наказания правителя, поправшего римские интересы. Разумеется, союзные цари, имея прямой выход на императора и выступая в качестве одного из основных источников информации о событиях, происходивших за пределами римских провинций, в определенной мере обладали возможностью направить гнев римлян в желательное для них самих русло. Для этого необходимо было обвинить своих соперников в нарушении римских установлений, а себя представить в роли мстителей за нанесенные Риму обиды, рассчитывая при этом, что римляне поддержат их. Из рассмотренных случаев в наибольшей степени в этом преуспел Котис Боспорский, который сумел убедить Клавдия в том, что действия Митридата являются противоправными и требуют ответной римской реакции, которая имела крайнюю форму выражения в виде решения сместить Митридата и заменить его Котисом.

Далее вернемся к вопросу, в чем именно обвинил Котис своего брата, поскольку Дион Кассий выражается по этому поводу в весьма широком смысле – «рассказал все». Если дать общую сводку основных событий, то она будет выглядеть следующим образом: в 37/38 г. н.э. боспорский царь Аспург умер, после чего непродолжительное время престол занимала его супруга Гипеирия, производившая монетные выпуски в 37/38 – 38/39 гг., затем чеканка стала вестись от имени сына Аспурга Митридата, у которого были проблемы с признанием его римской стороной, пока в 41 г. Клавдий наконец-то не закрепил Боспор за Митридатом, однако 4 года спустя разразилась боспоро-римская война, которой предшествовало бегство Гипеирии и предательство Котисом своего брата.

С учетом всех известных нам фактов, относящихся к данной истории, можно предположить, что дело, требовавшее римского вмешательства в ход событий, касалось вопросов престолонаследия. Очевидно, что после смерти Аспурга его старший сын и наиболее естественный престолонаследник Митридат не получил римского согласия на занятие трона, и своеобразным «компромиссным» вариантом стало сохранение властных полномочий за Гипеирией, которая, будучи женой прежнего царя, уже обладала царским титулом, так что ее пребывание на престоле для римлян было менее вызывающим, чем самовольное провозглашение себя царем со стороны Митридата. Последний в конце концов добился признания от Клавдия (возможно, даже и Калигулы⁷), но его мать продолжала сохранять свой высокий статус на Боспоре, доказательством чего служит выпуск меди, украшенной изображениями как Митридата, так и Гипеирии⁸. Бесспорно, Митридат являлся носителем высшей власти, поскольку на его золотых монетах нет никаких намеков на присутствие каких-либо официальных соправителей, но нельзя исключать вероятность того, что при посредничестве римлян определенные властные полномочия были закреплены за Гипеирией, которая могла рассматриваться как определенный противовес Митридату, в чьей лояльности Рим не был до конца уверен. То, что Гипеирия бежала, узнав об антиримских замыслах Митридата, означает, что это не был спор внутрисемейного значения, а действие политического характера, вызванное принципиальными разногласиями между царем и человеком, способным отстаивать свою позицию по вопросам проведения про- или антиримской политики (то есть Гипеирия не смогла настоять на своем, что и привело к резко выраженной форме ее несогласия с политикой сы-

⁷ Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 115; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. С. 162, 164.

⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 12. № 326.

на в виде бегства за пределы государства). В таком случае Котис мог в Риме не просто сослаться на некие антиримские планы Митридата, реальных доказательств которых могло и не быть, а указать на то, что был нарушен установленный римлянами порядок распределения властных полномочий на Боспоре, что было достаточно весомым аргументом для обвинения Митридата в незаконности его действий.

Разумеется, данная реконструкция имеет во многом умозрительный характер, но ближайшие аналогии подтверждают, что чаще всего вмешательство римлян в дела союзных государств вызывалось либо открытыми антиримскими акциями (доказательств их наличия на Боспоре до начала войны у нас нет), либо какими-либо внутренними распрями, последствия которых могли изменить установленный римлянами порядок управления этими царствами. Так, к примеру, британский поход, приходящийся на время правления Клавдия, был спровоцирован обращением царя Верики, изгнанного из своего царства и прибегшего к римской помощи для восстановления на троне, поскольку он уже ранее был признан римлянами в качестве законного властителя (Dio Cass. LX. 19. 1-2). Поэтому жалобы Котиса на Митридата могли иметь в качестве обоснования царские решения, которые ущемляли статус Гипепирии, ранее признанный Римом, и не исключено, что вопрос также касался позиций самого Котиса как возможного престолонаследника.

Контроль за процессом перехода власти из рук в руки и возможность проводить общее распределение властных полномочий являлись одним из важнейших способов поддержания баланса сил между Римом и зависимыми царствами. Именно это позволяло римлянам удерживать данные государственные образования в зависимом положении, останавливая любые антиримские поползновения со стороны местной правящей элиты необходимыми перестановками внутри этой элиты. При этом римское противодействие вызывали не обязательно политические и тем более военные акции открыто антиримского характера, а само вмешательство в область компетенции римлян. Так, к примеру, в рассматриваемый период нормой было не только утверждение Римом претендентов на престол, но зачастую и согласование с римлянами порядка престолонаследия еще при жизни того или иного монарха⁹. Именно династические споры были чаще всего причиной вмешательства Рима в дела союзных государств, и вероятно, что рассматриваемые события приобрели форму подобного конфликта, одна из сторон в котором успешно прибегла к римскому заступничеству, представив своего оппонента в виде нарушителя римских установлений. Котис сумел не только навлечь на своего брата подозрения в противоправных с точки зрения римлян действиях, но и продемонстрировать свою лояльность римским интересам и готовность следовать в фарватере политики Римской империи, что и сделало закономерным исход боспоро-римской войны: победа объединенных сил Котиса и римлян над Митридатом, и последовавшее затем общее усиление зависимости боспорского царского дома от Рима в правление Котиса I.

CLAUDIUS AND THE BEGINNING OF THE BOSPORAN-ROMAN WAR

A.R. PANOV

*Arzamas State Pedagogical
Institute*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

In the article circumstances of the beginning of the Bosporan-Roman conflict (40-s of I century AD) are investigated. The author interprets the Tacitus's information in detail and gives the analysis of using the term *iniuria* by this Roman historian, when it is concerned the relations between client kings and Rome. In the author's opinion, the fault of Bosporan king Mithridates could consist in the interference in the Roman area of expertise, to be more precised infringement of Rome's establishments concerning the distribution of powers in Bosporus. As the researcher supposes, Mithridates has struck the rights of his mother Gераеуrуs earlier recognized by Rome, and it became a formal occasion that his brother Cotys has addressed for the help to Claudius. Cotys' appeal has entailed Roman intervention in the affairs of Bosporus, and more loyal to Rome Cotys was installed on the Bosporan throne instead of Mithridates.

Keywords: Rome, Bosporus, Claudius, Mithridates.

⁹ Braund D. C. Rome and the Friendly King: the character of the client kingship. L.–Canberra, 1984. P.24.